

Максим Хорсун

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

ТЕМНЫЙ ДОМ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Х79

Серия «Пикник на обочине»

Художник обложки *В. Гурков*

Хорсун, Максим Дмитриевич
Х79 Темный дом / Максим Хорсун — Москва: Издательство АСТ, 2016.— 317 с.— (Пикник на обочине).

ISBN 978-5-17-093095-1

Все путем, когда незаметно, как вор, проникаешь на территорию Зоны Посещения, берешь то, что нужно, и так же, по-тихому, выбираешься за Периметр.

Сталкеру по прозвищу Костыль не повезло. Зона решила с ним поиграть.

Все началось с заказа на необычный хабар. Заказчик был из тех, что отказа не принимают, и Костыль согласился. А дальше все завертелось само собой.

Возникновение аномалии в особняке новосибирского сенатора, настойчивый интерес со стороны спецслужб и людей из UFOR, конфликт с бандитами... не многовато для одного хромого сталкера?

И за всем этим стоит нечеловеческая воля Зоны. Вечно голодный Темный дом на окраине Ботанического сада открывает гостям свои двери.

Войти Костылю придется в любом случае.

А вот выйдет ли он оттуда живым...

Подписано в печать 25.09.15.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Максим Хорсун, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

Мой папа говорит, что мутантов нет, а они есть. В Зоне есть много погибших сталкеров. Когда я фантазирую, я будто смотрю на Зону их мертвыми глазами. Я вижу много аномалий и разрушенных домов. В Зоне интересно. Многие мутанты похожи на зверей, а некоторые — на очень странных людей. Каждую ночь, когда мы спим, они приходят к Периметру и оттуда смотрят на огни человеческих городов, мечтая, чтобы Зона была повсюду.

Когда-нибудь их мечта осуществится.

«Куда уводят мутанты».

Недописанная книга Виталика Шимченко

Глава первая

30 декабря 2014 г.

Искитим

Есть такая народная примета: если черный джип сворачивает с дороги и перегораживает тебе путь, то грядут неприятности. Если же это происходит зимней ночью, когда темнота становится такой, что хоть выколи глаз, и если поблизости — ни одного свидетеля, то неприятности последуют в весьма неотдаленном будущем.

Садовников выронил сигарету и отпрянул, прижавшись спиной к дощатому забору. У него была трость — крепкая дубовая палка, усиленная медными кольцами, она не раз выручала сталкера во время задушевных бесед на заднем дворе «Радианта». Но против ствола палка — не аргумент. А из приоткрытого окна задней двери выглядывал пистолет Макарова.

— Сталкер Костьль? — спросили из царящей в салоне темноты и, не дождавшись ответа, потребовали: — Сюда иди!

Сталкер мысленно ругнулся и подошел, шаркая правой ногой по тротуару, к джипу. От авто шел тяжелый запах горячего железа и бензина. Дверь с костяным щелч-

ком открылась, высунулась лапа, обтянутая черной скрипучей кожей. Лапа вцепилась в куртку Садовникова и втянула его в салон.

Внутри были трое. Похожие друг на друга, словно братья-близнецы. Круглоголовые, мордастые, откормленные как на убой. Все, само собой, при пушках. Садовников постучал тростью по коврику под ногами, сбивая грязь, затем поинтересовался:

— Чем обязан?

— Ты должен Парфюмеру, — прозвучало будто приговор. Говорил тип, развалившийся на заднем сиденье, остальные только строили страшные рожи.

— Я верну, — буркнул сталкер, в очередной раз думая, что его карта крыта. Если Парфюмер обратился за помощью к братве, то договариваться или что-то обещать уже поздно.

Вообще в тот день все шло наперекосяк. Ныла на погоду нога, голова была тяжелой с самого утра, думалось туго, под скрип извилин. И дернул же черт сесть играть с Котом... а тот как будто что-то учуял. Был он слегка навеселе и держался бодрячком, по слухам — раздобыл в Зоне какую-то мелочовку и выгодно загнал. За карты Кот сел, чтобы развлечься, он много балагурил и играл небрежно, ради удовольствия, но масть сама так и шла ему в руки. А вот от Садовникова фарт отвернулся, причем, похоже, давно. Он проиграл Котяре деньги, которые собирался вернуть Парфюмеру в счет предыдущего долга, а следом спустил и остаток пенсии. Затем он занял у Кота и проиграл снова. «Повезет в любви!» — сказал тогда Кот, похлопывая Садовникова по плечу. Парфюмер, который и полслова не проронил, когда два сталкера сидели играть, после партии отчитал Садовникова, словно мальчишку. «Я верну», — сухо пообещал держателю притона Садовников, абсолютно не догадываясь, как он это

сделает. Разве что продаст почку, хотя кому она, пропитанная миазмами Зоны, может понадобиться?

— Мы поможем разрулить долги,— сказал бандит, поигрывая «макарычем». — Есть работенка.

— Слушаю... — отозвался Садовников. Само собой, работать на бандерлогов у него не было ни малейшего желания. Сталкер понимал, что ничего путного они не предложат. Наверняка это будет что-то связанное с трафиком наркоты, выращенной на «газированной глине». Мол, проведи, отведи, препроводи...

«Они ведь не местные,— лихорадочно соображал Садовников.— Выкосят плантацию „мичуринских“ или „спарты“ и свалят за бугор — с них взятки гладки, а мне расхлебывай...»

Но он был не в том положении, чтобы корчить из себя героя. Поэтому Садовников изобразил на лице предельное внимание.

— Ты знаешь, кто такой Всеволод Леонидович Шимченко?

Перед глазами пронеслось: дождливая весна, биллборд на выезде из Искитима, строгое лицо, очки в золотой оправе, то ли борода, то ли запущенная щетина, припудренные залысины... и надпись красными, как кровь, буквами: «Голосуй за Шимченко! Твой сенатор из Зоны Посещения!»

— Знаю,— ответил Садовников, напряжение внутри стало во сто крат сильнее, хотя, казалось бы — куда уж могло быть сильнее? — Шимченко — сенатор. Представляет Новосибирский округ в верхней палате. Владелец заводов, газет, пароходов.

Бандерлоги прищурились.

— По теме базаришь,— одобрили они.

Той весной он устроился в предвыборный штаб Шимченко. Служил мелкой сошкой: раздавал флаеры, стоял

на митингах с флагом, освистывал оппонентов своего кандидата, агитировал в сельской местности. На выборах был наблюдателем и смог сделать три незаметных «вброса», за что начальник штаба выписал ему премию — сто баксов. Помимо премии и неплохого оклада Садовников «поднял» еще почти тысячу «бакинских» на липовых сметах и тотальной экономии выделяемых сенатором средств.

Может, Шимченко решил ему припомнить этот грешок?

С другой стороны, что такое жалкая тысяча «бакинских» для денежного мешка?

— Что я могу сделать для Всеволода Леонидовича? — спросил, стараясь не смотреть на пистолеты, Садовников.

— Вздумаешь прикалываться или распускать язык — замочим, — честно предупредил бандит. — Хоть ты и трехногий, сбежать тоже не рассчитывай.

Сталкер кивнул. Мол, понял, не дурак. Тогда тип с заднего сиденья рассказал из-за чего весь сыр-бор.

Садовников обалдел.

— Но — зачем? — еле-еле выдавил он.

— Новый год на носу, — резонно ответил браток. — С наступающим тебя, кстати! — Он ткнул сталкера в плечо стволом, и Садовников решил больше ничего не спрашивать. — Делов-то — на пять минут. Если все устроишь, будешь в шоколаде.

Мысли копошились внутри черепной коробки беспокойным клубком червей. Садовников думал, что сейчас — не сезон ходить в Зону, что проку от такого хабара не будет никакого, только лишний риск. Впрочем, работа и в самом деле непыльная. Он опасался, что от него потребуют чего-то похлеще.

— Мне нужно собраться. Вещи дома.

— Мы подбросим, — прогундосил водитель, потягиваясь. — Адрес можешь не говорить — угадаем.

Машина завелась с полуоборота. Съехав с тротуара, джип покатил в сторону частного сектора. В салоне Садовников разогрелся и принялся шмыгать носом.

Бандюганы переговаривались короткими, отрывистыми фразами. Сначала они поносили, на чем свет стоит, искитимские дороги и уличное освещение, потом перешли на весь городок и его жителей. К своему невольному пассажиру братки не обращались, но высказывания вроде «бомжатник, мля!», «заповедник для быдла!», «замочить бы тут всех на... реальные люди только спасибо скажут!» — явно адресовались сталкеру, чтобы подергать нервишки.

На нервы Садовников не жаловался. Он мог быть по жизни кем угодно — сталкером, калеккой, пройдохой, мелким мошенником, игроком, но никак — не кисейной барышней. Поэтому он молчал, демонстрирую выдержку Штирлица, и мотал на ус.

Типа на заднем сиденье называли то Антохой, то Большим. Впереди на пассажирском ехал Хыча, а за рулем сидел Гопа. Эти трое были из «ленинских» — самой могущественной и дерзкой группировки в Новосибирске. Значит, искитимская шушера либо под ними, либо не посмеет перебежать дорогу. Троица весьма серьезно относилась к поручению Шимченко, и, видимо, все они имели намерение в скором времени легализоваться, чтобы занять тепленькие места при администрации города или округа. Ну, что Шимченко — вась-вась с Резо, главарем «ленинских», после работы на выборах для Садовникова тайной не было.

Окна сталкерского домишки светились бледно-зеленым.

— Хоромы-то не царские, — заметил Гопа, рассматривая неказистое одноэтажное строение, окруженное обле-

денелыми деревьями.— Топай, Костыль, одна нога — здесь, другая — там. Хотя, блин, с тобой это не проканает: у тебя ведь чисто три ноги.

Его приятели заржали. Сталкер выбрался из салона, прижимая трость к груди.

Морозный воздух пьянил. Садовников с минуту стоял у проржавевших ворот, массируя лицо и виски, и лишь потом толкнул калитку. Залаял соседский барбос, закрипел под сапогами наст.

В прихожей было темно, пахло квашеной капустой и гуталином. Жена спала под приглушенное бормотание телевизора в комнате, которая приходилась Садовниковым и залом, и спальней. Это была первая удача за сегодня. Если бы Оксанка дождалась его возвращения, то без сцен бы не обошлось. Всыпала бы ему по первое число. Знамо-знамо: где был, что делал, сколько просадил на сей раз. И далее, как по нотам: когда это закончится, да ты же, сволочь, обещал, вот зачем я за тебя замуж вышла и почему до сих пор, дура, не сбежала...

Сталкер бросил взгляд через неплотно прикрытую дверь, затем, стараясь двигаться как можно тише, снял с вешалки камуфляжный комбез, бушлат, переобулся в берцы.

За домом был деревянный, криво-косо обшитый пенопластом нужник. Садовников, не включая свет, пошарил за унитазом. Часть сколоченного из неструганных досок пола поднялась. Открылась ниша, в которой Садовников прятал хабар, если тот имелся, рюкзак с летним тряпьем для работы в Зоне и сталкерские побрякушки: несколько видов защитных перчаток, включая и просвинцованные — просто на всякий случай, аптечку «АИ-4», разнообразный инструмент для сбора и контейнеры для хранения опасных артефактов, прочую полезную мелочь. Тут же лежал завернутый в промасленную тряпицу пистолет ТТ. Садовников поднял ствол, крепко сжал рукоять,

наслаждаясь исходящим от оружия холодом и спокойствием. Затем решительно вернул ТТ на место, собрал рюкзак и пошел к ожидающей машине.

30 декабря 2014 г.

*Новосибирская область,
окрестности села Сосновка*

Джип крался с выключенными фарами по руслу ручья. Садовников, ежась, слушал, как по днищу царапают камни и ветви кустарников. Водитель постоянно повторял слово «мать», причем произносилось оно с такой интонацией, будто это было самое грязное ругательство, которое он только знал. Подпрыгнет джип на кочке — «Мать!..». Проведет, словно когтем, по днищу заледеневшая грязь — «Мать!..». Хыча не выпускал пистолет и откровенно боялся. Он дергался, мотал головой, высматривая угрозу, и сильно потел. А Большому все было побоку: прищурившись, он курил косяк, выпуская дым в приоткрытое окно. Косяк то и дело потрескивал, действуя Садовникову на нервы. Дым отчетливо отдавал фирменным запахом «экзо».

Они знали одну из «мичуринских» троп. По особым дням патрульная машина UFOR, совершая объезд Периметра, останавливалась метров на двести дальше, чем обычно, а сидящие в ней «каска» просто смотрели в сторону, на редкие огни Искитима. По крайней мере так сказал Большой. Садовникову пришлось верить на слово. У него были свои лазейки, но «палиться» не хотелось. Мало ли: сегодня он раскроет их «ленинским», а завтра по его тропам пойдут наркокараваны.

Машина остановилась под мостом, на котором бы не разъехались и две легковушки. В тесноте между опорами

и обледеневшими валунами царила почти абсолютная тьма.

— До рассвета — пять часов, — обратился к сталкеру Большой севшим после «экзо» голосом. — Глубоко не забирайся, братишка. Если не вернешься к утру — лучше оставайся в Зоне насовсем.

— Работа есть работа, — пожал плечами Садовников. — Не замерзайте, пацаны.

— Иди-иди, — вяло махнул рукой Гопа. — Треножник марсианский!

Садовников выбрался из салона, забросил рюкзак за спину, туда же пока пристроил и палку. Как паук, вскарабкался по ледяному склону.

Это еще была не Зона, но ее близость ощущалась необычайно остро. Людей в здешних краях днем с огнем не найти. Куда ни повернись: ни огонька, черным-черно. Брошенные поля тянутся на многие километры. На одной ноте, словно акын, ноет холодный ветер, и скрипят ветви одиноко стоящих деревьев.

Сталкер покосился на кирпичную коробку автобусной остановки. Свежие следы от шин четко читались на тонком насте. На обочине — окурки, пустая банка из-под «Ягуара». Мусор еще не разметало ветром. Пять минут назад здесь околачивались «каска», потом им надоело, и они переехали бить баклуши на следующую точку своего маршрута. Что ж, Фортуна улыбается второй раз. Садовников надеялся, что этой капризной барышне будет нетяжело улыбнуться еще разок, чтоб он смог выйти живым из неожиданного приключения.

Шоссе вело в сердце Зоны. Забор из колючей проволоки перегораживал дорогу под прямым углом. Где начиналась «мичуринская» тропа — днем с огнем не отыщешь. Зато отпечатки сталкерских берцев останутся здесь надолго: более надежного способа поставить «каска» в изве-

стность, что кто-то проник на запретную территорию, и не придумать.

С другой стороны, нужно было поторапливаться, ведь патрульные могли в любой момент вернуться. Вот так всегда — думай на ходу, действуй на бегу. Однажды такая поспешность ему дорого обошлась. Но пришло время снова стать безрассудным.

Садовников побежал, прихрамывая, к «колючке». Подсветить бы, да нельзя. Одно время он копил на прибор ночного видения, но, проигравшись в очередной раз, отдал все деньги. Потом и мужики рассоветовали покупать устройство: в Зоне оно бы работало с помехами, к тому же действовало на аномалии как приманка.

Ага, вот. Табличка с черепом и костями. Череп сжимает в зубах сигаретку. Прикол! Значит, «мичуринская» тропа где-то здесь.

Тепло... еще теплее... совсем горячо!

За обледеневшими кустами в колючей проволоке был проделан аккуратный проход. Садовников бросил в него рюкзак, затем протиснулся сам.

Зона встречала как родного. Полоса плотного тумана отрезала сталкера от внешнего мира, а мир внутренний придвинулся навстречу, обдав теплым дыханием вечного лета. Стало светлее: небо, словно по волшебному слову, очистилось от тяжелых туч.

Ни осточертевшего мороза, ни наста. Вместо снега в воздухе кружили редкие хлопья «жгучего пуха» — как напоминание, что этот край вечного лета — не самое подходящее для отпуска место.

Он выхватил из-за спины трость, словно ниндзя — меч. Сразу стало легче, увереннее. Торопливо расстегнул бушлат, сунул в растянутый карман шапку. Особенно назойливый ком «пуха» поспешил сунуться в лицо, но Садовников отпихнул его тростью. Был от палки какой-ни-

какой толк. «Пух» сдаваться не пожелал: к первому кому присоединились еще несколько грязно-белых сгустков. Медленно дрейфуя в воздухе, они постепенно сжимали вокруг сталкера кольцо.

Садовников мысленно хлопнул себя по лбу и выхватил мобильник. Вжал кнопку выключения, а затем выдернул батарею. Движение «жгучего пуха» потеряло целенаправленность, но часть грязного облака все равно тянулось к сталкеру, но скорее уже по инерции, нежели с умыслом.

Сталкер упал на землю и в несколько перекатов ушел в сторону. Потом вскочил на полусогнутые в коленях ноги, метнул трость, как копьё. Палка, пролетев метров десять, загремела по асфальту. Садовников заторопился следом. Облако «жгучего пуха» окончательно распалось на плывущие по воле ленивого ветра сгустки.

Смахнув со лба испарину, Садовников включил фонарь и осмотрелся. В этой части Зоны бывать ему не приходилось. Но, в общем, ничего особенного: почти то же самое, что и по другую сторону Периметра, только времена года спятили. То же шоссе, те же редкие лесополосы по обе стороны, а дальше — поля, поля, поля. Некоторые заросли сорняками в человеческий рост высотой, на некоторых было черным-черно от «колючки», другие выглядели как пыльные пустыри, а на некоторых участках до сих пор колосились роскошные хлеба, как в пору до Посещения.

За полями, примерно в полукилометре, темнела лесопосадка.

Сталкер оставил бушлат в багажнике брошенного поперек дороги «жигуленка». Машина прогнила почти насквозь: «чуйка» подсказывала, что это — безопасный, не измененный Зоной металлолом. Если посчастливится вернуться, он не пройдет мимо.

Первая гайка запрыгала по дороге и скатилась в кювет. Садовников двинулся в сторону лесопосадки. От поля с хлебами ничего хорошего ожидать не стоило, это была не настоящая пшеница, а «муляж», вроде мертвеца, оживленного Зоной. От «порченной земли», поросшей «колючкой», тоже следовало держаться подальше, если не хочешь, чтоб вырос хвост или третий глаз.

Сталкер почесал затылок и выбрал путь через сорняки. Бурьян был антиподом «черной колючки», чаще всего он рос там, где следы Посещения встречались меньше всего. Фонарь Садовников погасил, поскольку лучик света дает видимость лишь на несколько метров, зато служит отличным маяком. К тому же небо над Зоной в эту ночь было ясным, звезды кучно группировались в чужие созвездия и пылали холодными искрами.

Садовников еще не доковылял до поля, когда «чуйка» подсказала, что он в опасности. Сталкер остановился, однако звук шагов не стих. Кто-то шел следом, с хрустом вминая в землю пожухлый пырей. Садовников обернулся, его трость со свистом разрубила воздух.

Он видел преследователя всего миг. Это был сталкер в камуфляжном комбезе с выражением озлобленной решимости на узком, как топор, хищном лице. В руках преследователь держал палку, утяжеленную металлическими кольцами, и ее концом целился точно в большое колено Садовникова.

В следующую секунду сталкер с палкой исчез, обдав Садовникова волной горячего воздуха с запахом крепкого пота.

Голова закружилась, а ноги подломились сами собой. Каменистая земля больно ударила по ребрам.

— Чтоб тебя!..— ругнулся Садовников. Он сплюнул, оттолкнулся от теплого грунта и рывком сел.— Так ведь и кирпич отложить, блин, можно!